

На следующий день Ольга Николаевна сообщила ученику:

— Я звонила Бэллочке. Она говорит, не нужны в Большом баритоны.

Ученик ответил уверенно и нахально:

— Надо ехать. Она же говорит «не нужны баритоны», но ведь не говорит «хорошие баритоны»!

В следующем сезоне Ворошило пел уже в Большом театре.

— Вас пригласили работать в Москву в результате конкурса?

— Да, именно тогда, в двадцать пятом году, проводился певческий конкурс в связи с юбилеем Большого театра, руководству хотелось влить в коллектив свежую кровь. Меня сразу приняли в труппу и сразу на главную роль — единственного из 138 претендентов. Первая моя роль в Большом — Роберт, «Иоланта» Чайковского. Просто невозможно выразить, как я благодарен судьбе за эту удачу. Для многих певцов поработать хотя бы с одним из тех дирижеров, с которыми работал я, — цель всей жизни. Ведь это созвездие: Азаров, Светланов, Темирканов, Рождественский! Почти все спектакли, в которых я пел, — это постановки Бориса Александровича Покровского. Работать с ним было и наслаждением, и потрясающей школой. А извините на минуточку, как говорят в Одессе, с какими партнерами мне посчастливилось работать! С какими певцами, танцорами, балетмейстерами просто общаться!

Однажды, после репетиции «Отелло», в котором Ворошило должен был петь Яго, к нему подошли Лиена и Васильев:

— Саша, а ведь ты неправильно роль строишь. Не таким должен быть Яго, сам подумай.

А режиссер-постановщик спектакля Покровский подтвердил:

— Саня, злодеев не играют хмурыми, злодеи улыбаться должны.

Уже из одной этой фразы певец понял очень многое. Роль Яго стала одной из лучших в его театральной карьере.

— И вот однажды утром вы просыпаетесь и понимаете, что не можете больше петь. Ведь это же все — конец карьеры, крест на любимой работе...

— В одночасье голос теряют редко. В моем случае это был длительный процесс: я продолжал ездить на гастроли, продолжал спектакли и репетиции. Но понимал: голос слабеет, не слушается. Может быть, долгое время это было заметным только для меня. Но я принял решение: уйти, не дожидаясь, когда это станет заметным для публики, не позорить театр.

— Но почему же возникло решение заняться именно бизнесом, да еще — производством колбасы?

— Ну надо же чем-то заниматься, семью кормить. И еще: после славы, цветов, комплиментов в прессе особенно ощущалась собственная невостребованность. Вот бежит марафонец-чемпион впереди всех, болельщики его имя скандируют, комментатор соловьем разливается, и вдруг спортсмен чувствует, что больше не может, дыхания не хватает. Отходит чемпион на обочину, остальные пробежали мимо, вскоре публика нового победителя чествует. А бывший фаворит стоит и думает: елки-палки, а я-то как же?

Тогда, в начале девяностых годов, было очень благоприятное время для бизнеса: нигде ничего не было. Я рассудил, что в нашей стране всегда не хватает трех вещей: хлеба, водки и

колбасы. Водка — не моя стихия, производством хлеба заняться не решился... Что оставалось? Новой работе приходилось учиться, но тотальный дефицит и тут помог: если у нас что-то не получалось, люди все равно покупали нашу продукцию и спасибо говорили. Со временем мы добились практически идеального качества.

Производством колбасы я не занимаюсь уже два года. Но если придется — без опасений снова стану предпринимателем. Не важно, что производить и продавать — шнурки или автомобили, важно знать принципы бизнеса и окружать себя специалистами в производстве твоей продукции.

— А думали ли вы когда-нибудь, что станете киноактером?

— И мечтать не смел. Когда Владимир Меньшов пригласил меня в «Ширли-Мырли», был просто в восторге. А вот когда дело дошло до самой работы... Соседи, наверно, решили, что я умом тронулся, когда увидели, как я по двору со сценарием хожу и рожи корчу. Ведь кино — совершенно особое искусство, там каждый жест виден, взгляд. Для меня все это было непривычно. Но как-то приспособился. В «Ширли-Мырли» я сыграл любителя музыки, а в «Зависти богов» — начальника из органов. Быть с Депардье в одном кадре — это, знаете ли, дорогого стоит. Всегда обожал этого артиста, и вот привел Бог познакомиться. О чем же мне в жизни жалеть? Знаете, если бы удалось прожить жизнь сначала, я не стал бы в ней менять абсолютно ничего. Вот если бы меня вдруг клонировали — пусть и у моего клона все будет так же. Только вряд ли, ведь для этого придется клонировать и Меньшова, и Депардье, и

Человек, умеющий управлять своей энергией

всех остальных замечательных людей, с которыми мне посчастливилось в жизни познакомиться.

— Снова в Большой театр, на должность исполнительного директора, вас пригласили по старой памяти или уже как известного и преуспевающего бизнесмена?

— Трудно сказать. Вообще это случилось по инициативе Михаила Ефимовича Швыдкого, за что я и по сей день ему искренне и бесконечно благодарен. Вот говорят, что в одну реку не войти дважды, а мне это удалось, пусть и в другом качестве. И река своя, любимая, о которой не переставал думать никогда. Надеюсь, что в качестве коммерческого директора я сумел принести пользу Большому театру.

— Но тем не менее вы оставили театр и во второй раз.

— Меня уволили, хотя это было корректно названо сокращением штатов. И об этом я не жалею. Я все знал заранее. Мог ведь, где и когда нужно, промолчать и сидел бы до сих пор в своем кабинете, на прежней должности. Но я высказал свое мнение о политике театра, с которой был в корне не согласен, и получилось так, как получилось. В конце концов я оказался прав: последние смены в руководстве Большого произошли в предсказанном мной направлении, политика театра изменилась к лучшему, и это сразу отразилось на репертуаре, качестве постановок. Можно посмотреть спектакли и убедиться в этом.

— Не хотели бы вернуться в Большой еще раз?

— Думаю, нет. Теперь я генеральный директор Московского международного Дома музыки, эта работа для меня крайне важна и интересна. Замечательно, что правительство Москвы именно сейчас приняло решение о строительстве такого Дома. Три концертных зала, орган, возможность услышать даже оперу в концертном исполнении, многое другое. Ведутся уже последние работы по отделке здания. Торжественное открытие Дома музыки назначено на 26 декабря. Надеюсь, что откроемся мы не одним концертом, а целой серией выступлений самых известных и любимых публикой артистов, российских и, если получится, зарубежных.

— Господи, как же ваша семья переносит такие частые перемены в судьбе и карьере мужа, отпа, дедушки?

— Эти перемены не такие уж и частые, но, конечно, надо признать, кардинальные. Разумеется, родные волнуются. Спокойнее всех к событиям в моей жизни относится внук. Он знает, что дед чем-то руководит и это что-то имеет отношение к музыке. Но в подробности не вникает. А вот недавно послушал компакт-диск с ариями из опер в моем исполнении, восхитился и не успокоился до тех пор, пока я ему не дал самых страшных клятв, что это пою именно я. С тех пор зауважал — сил нет. Приятно.

Это тоже обаятельный Ворошило